

поклоняюсь!» И тогда выйдутъ семь Духовъ съ ликомъ черныхъ тельцовъ, въ златыхъ діадемахъ, властители звѣздные. Привѣтствуя ихъ, молись: «Поклоняюсь вамъ, Хранители міра, Святые Сильные!..» И вотъ, молніи засверкають, и загремитъ небо, и земля содрогнется, Богъ снзойдетъ, неописуемый, сіяющій ликомъ, съ золотыми власами, въ бѣлыхъ одеждахъ, въ Вѣнцѣ изъ золота, и молніи изъ очей его, и звѣзды (сыпятся) отъ тѣла его. И ты молись тогда: «останься въ душѣ (съ душой) моей, господи, не покидай меня!»... Осязавшій Неосязаемое, лобзавшій духомъ святыню своего божества припалъ съ молитвой благодаренія: «Боже, міръ сотворившій! Сильный! Поклоняюсь Тебѣ, Духъ и Властитель! Боже, вновь тобою рожденный, я умираю (въ прежней плотской жизни), и вознесенный тобой, умирая, воскресъ. Вновь рожденный въ *Рожденіи Жизни*, я свободенъ (спасенъ) отъ смерти, Твоей стезею иду, тобой начертанной, свершенной въ Таинствѣ Твоемъ!..»

ЕССЕИ и ГНОСТИКИ.

Въ еврейскихъ мистическихъ ученіяхъ несравненно менѣе того философскаго вдохновенія и поэзіи, которыми блещетъ мысль Индіи, Греціи и Египта, но зато болѣе пророческаго духа и апокалипсизма. Всѣ ученія примыкають къ вавилонской и египетской культурѣ, а позднѣе еще къ эллинской и персидской. Наиболѣе выдѣляются ессеи, или ессены, которые были извѣстны за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Мистическій характеръ ученія засвидѣтельствованъ Іосифомъ: «они видѣли въ тѣлѣ могилу безсмертной души, темницу, въ которую заключена душа, нѣкогда блиставшая въ

свѣтъ и блаженствѣ». Отсюда—жажда «возвращенія на родину», въ небесную отчизну, и «святой путь» жизни, ведущій къ безсмертію. Нѣкоторые ученые находятъ родство ессеизма съ братствомъ пророковъ, основаннымъ, по преданію, Самуиломъ. Несомнѣнно, тайныя пророчества, завѣты какихъ-то «божественныхъ откровеній» бережно хранились среди есеновъ и въ «толкованіяхъ святыхъ писаній» передавались изъ устъ въ уста. Ессеи выдѣлялись кротостью и набожностью, занимались какимъ-либо скромнымъ ремесломъ: садоводовъ, токарей, плотниковъ, никогда не были торговцами и не занимались выдѣлкой оружія, особенно же славились какъ врачи. Позднѣйшіе «терапевты», о которыхъ сохранилось больше свѣдѣній, если не были тѣми-же ессенами, то, вѣроятно, составляли секту, связанную съ ними общностью происхожденія. Они считали своимъ призваніемъ врачевать не только больныхъ тѣлесно, но и «болящихъ духомъ»: порочныхъ, злыхъ, грѣшныхъ. Можетъ быть, и еврейскіе назіры, или назарены, аскеты, таинственные подвижники и боговѣды, «ходившіе въ свѣтъ Господнемъ», о которыхъ имѣются очень скудныя свѣдѣнія, также близки къ ессеямъ. На ученіи есеновъ лежитъ печать всечеловѣческой религіи любви. Безгрѣшная жизнь, любовь къ Богу и человѣку, милосердіе, запретъ клятвы даже ради правды, смиреніе, кротость, правдивость, чистота сердца, ненависть къ грѣху и злу и въ то же время дѣятельная, спасительная любовь къ злымъ и грѣшнымъ—первыя заповѣди есеновъ. Ихъ братскія чувства и отношенія «взаимнаго радованія» символизировались «трапезами любви». Омывшись и одѣвшись въ бѣлыя праздничныя одежды, они торжественно приступали къ общей трапезѣ, имѣвшей, повидимому,

религіозный характеръ. Бѣлыя одежды, пальмовыя вѣтви, свѣточы въ рукахъ непорочныхъ дѣвъ и женъ, чаша «съ виномъ отъ лозы Господней» въ рукахъ старца, первосвятителя братства, «Хлѣбъ и Вода»— всѣ эти внѣшніе атрибуты праздничныхъ собраній имѣли нѣкоторое мистическое значеніе. Ессеи посвящали жизнь уходу за больными, врачевали недуги, таинственнымъ вліяніемъ своего духа, сильнаго Богомъ, «изгоняли бѣсовъ», обращали падшія грѣшныя души на непорочный путь, всюду стремясь создать чистую обитель Чистому Духу. По свидѣтельству Іосифа, «ессеи славилась образцовыми нравами, пользовались всеобщимъ уваженіемъ; они были недоступны никакимъ низменнымъ страстямъ, ласковы и кротки со всѣми, правдивы, миролюбивы. Одно слово ихъ имѣло болѣе вѣса, чѣмъ присяга. Самыя мучительныя страданія переносили съ удивительнымъ спокойствіемъ и съ улыбкой на устахъ». Необходимымъ условіемъ спасенія было посвященіе, вѣнцомъ религіозной жизни—совершенство и путь «чрезъ двери Господни» въ селенія блаженствъ. Среди людей святаго сердца, всегда и неизмѣнно обращеннаго съ сыновней любовью къ своему Богу, являлись озаренные проповѣдники Правды Божьей, вдохновенные пророки. Съ мистической философіей ессеевъ связана «книга тайнъ Еноха», возникшая незадолго до христіанской эры, въ которой, наряду съ «Господомъ и Духомъ» и «Особою Силою», говорится объ Избранникѣ, «Сынѣ Человѣческомъ», предвѣчно сущемъ, рожденномъ въ Богѣ, Духѣ мудрости и силы, который будетъ судить все сокровенное, осудитъ злыхъ и возведетъ въ горнія благихъ и кроткихъ: «Въ началѣ былъ Сынъ Человѣскій въ тайныхъ. Всесильный хранилъ его въ своей Славі и открывалъ избран-

нымъ... Цари ужаснутся, падутъ ницъ, ужась скуеть ихъ, когда увидятъ Сына Жены, сидящаго на престолѣ Славы... Тогда Избранный созоветъ всѣ силы небесныя, всѣхъ святыхъ небесныхъ и силу Божию, и возгласятъ херувимы, серафимы, офанимы и всѣ ангелы господни... Лучшія страницы въ книгѣ— нравственныя заповѣди. «Блаженъ, кто страшится имени Божьяго, не лицемѣрно служитъ предъ лицомъ Господа. Блаженъ, кто справедливъ не ради награды, ради правды, не ища награды. Блаженъ, кто нагого покрываетъ своими одеждами и голодному отдаетъ свой хлѣбъ. Блаженъ, кто отвернулся отъ суетныхъ путей лжи и идетъ путемъ правды, въ жизнь вѣчную. Блаженъ, у кого любовь въ устахъ и кротость въ сердцѣ. Блаженъ, кто творитъ миръ и любовь». Стремленіемъ ессеевъ было осуществленіе во всей полнотѣ того ученія чистоты и правды, которымъ проникнута и лучшая часть древней еврейской мудрости, нерѣдко забывавшаяся за буквой культа: «Прощай твоему ближнему зло, которое онъ тебѣ сдѣлалъ. Не радуйся паденію врага... Голодень твой врагъ, накорми, жаждетъ, напои», сказано у «Соломона». Тоже въ книгѣ Левитъ: «Ты не долженъ ненавидѣть врага даже втайнѣ сердца... И чужеземца должно любить». Талмудъ, восходящій въ вавилонскую старь, высказываетъ такую же возвышенную мораль: «Да не будутъ рѣчи человѣка многоглагольны предъ Всевышнимъ... Кто смотритъ на женщину съ нечистою мыслью, тотъ уже тайно поддался грѣху любодѣянія... Ненавидь не злыхъ, но злобу ихъ... Кому Богъ отпустить грѣхи? Кто самъ забываетъ неправду другихъ. Беззлыхъ и кроткихъ любить Богъ... Милостыню дѣлай втайнѣ... Если бы гонитель былъ правовѣрный, а гонимый без-

божникъ, и тогда Богъ всталъ бы на защиту гонимаго»... Такія благородныя идеи не составляли рѣдкости въ древне-еврейской религіи; изъ нихъ, въ борьбѣ съ грубыми понятіями и *нравами, подчинявшими религію*, могло вырасти не одно прекрасное ученіе. Дѣйствительно, ессеизмъ не исключительное явленіе среди другихъ «сектъ» тѣхъ временъ; даже фарисеи, имя которыхъ стало позднѣе синонимомъ пустосвятства и обрядоваго ханжества, составляли общины, преслѣдовавшія очень высокія моральныя и религіозныя цѣли. Чистота плоти и духа, цѣломудріе, мистическія «очищенія водою», благочестіе, кротость, любовь къ Богу и ближнему, жизнь по духу Писанія были для фарисеевъ святымъ путемъ жизни. Высшей же, мистической ступеню, идеаломъ святости, была, по преданіямъ, нѣкоторая таинственная власть надъ природными силами и даже «сила исцѣлять больныхъ и призывать къ жизни умершихъ».

Озирая весь широкій кругъ исторіи нравственнаго міра, современная мысль видитъ единый и вѣчный духъ мудрости и любви, вѣющей «во всякомъ мѣстѣ Божьяго владычества». Перелистывая страницу за страницей въ исторіи религій, всюду слышимъ «Единый Гласъ», чувствуемъ одно волненіе человѣческаго сердца, въ которомъ близость Бога вселяетъ невыразимо-нѣжное, святое желаніе правды. Заглянемъ на минуту въ другой конецъ міра, далекій Китай, и тамъ услышимъ тѣ же рѣчи о чистотѣ сердца, любви къ Вѣчному Богу, братскихъ чувствахъ къ человѣку. Конфуцій, представитель положительной морали разума, говорившій о себѣ: «дѣлать чудесное, чтобы среди потомковъ ходила о томъ суевѣрная молва,—этого я не хотѣлъ», заповѣдалъ правила: «Чего не желаешь себѣ, не дѣлай другимъ,—въ этомъ лежитъ

все... Нѣтъ любви, если нѣтъ трудовъ и заботы, чтобы усовершенствовать тѣхъ, кого любишь... Гордость унижить, смиреніе возвысить... Начало добродѣтели— кротость... Цари должны милосердовать сиротамъ и вдовамъ, призрѣвать нищихъ и бездомныхъ, жалѣть несчастныхъ и бѣдныхъ, побуждать людей ко взаимной братской любви, чтить мудрыхъ, возвышать достойныхъ». Лао-тце, мудрецъ, въ послѣдствіи ставшій однимъ изъ лицъ «божественныхъ Трехъ» (Ю—хоангъ-ти, небесный Владыка, Лао-тце, Т'аи-ши, великое Начало), и по вѣрѣ своихъ почитателей, нѣкогда воплотившійся въ Буддѣ, заповѣдалъ тѣ же общечеловѣческія нравственныя правила, начиная съ первой заповѣди *морали челоувѣчности*: «злomu плати дсбромъ». Прекрасная *Небесная Философія* (Таосизмъ), выразившая всю свою сущность въ короткомъ словѣ: «*въ сердцѣ твоемъ Небо, и Небо есть Путь. Самое могущественное въ мѣрѣ невидимо, не слышимо, не осязаемо*», заповѣдывала вѣру *дѣль любви*; «Добродѣтель отъ чистаго сердца—вотъ земной фиміамъ, который тронетъ Божество. Правая жизнь преклоняетъ Небо (къ землѣ), и нѣтъ той Дали, куда не дошло бы добро». Среди китайскихъ мудрецовъ, съ ихъ оптимистической вѣрой въ божественную гармонию мірозданія, въ великое Небесное Правосудіе, нѣсколько особнякомъ стоитъ Менцзы, вынесшій свой пессимизмъ изъ несчастій личной жизни,—«вся жизнь, говорилъ онъ, заботы и страданіе, покой только въ смерти». Но и у него мрачныя мотивы скрашиваются возвышеннымъ утѣшеніемъ мудрецовъ, стоической философіей: «Жить въ великомъ царствѣ Вселенной, въ ней занимая свое почетное мѣсто, не гордись въ знатности и богатствѣ, не унывая среди бѣдности и униженій, не сгибаясь предъ надменнымъ величіемъ

и силой,—вотъ что значить быть великимъ мужемъ... Горести укрѣпляютъ сердце великаго человѣка. Небо изнуряетъ трудами его тѣло, подвергаетъ голоду и лишениямъ, стираетъ и смѣшиваетъ все, что онъ ни сдѣлалъ, чтобы разжечь его сердце, закалить духъ, поднять въ немъ мысль... Жизнь возвышается въ скорбяхъ и напастяхъ, замираетъ въ покоѣ и удовлетворенности... *Кто не понимаетъ божественнаго, не свершитъ ничего великаго...* Ученіе (философія) не имѣетъ другой цѣли, какъ только отыскать *сердце, утраченное человѣкомъ*... Среди звѣздъ второй величины китайскаго умственнаго міра слѣдуетъ вспомнить симпатичнаго Моцзы съ его ученіемъ *вселенской любви*: «Всѣ несчастія, бѣды, всѣ раздоры въ мірѣ оттого, что нѣтъ между людьми взаимной любви... Если бы на все чужое смотрѣли (тѣми же очами, съ тѣмъ же добрымъ чувствомъ) какъ на свое, не было бы ни неправды, ни завоеваній»...

О жизни и обычаяхъ «терапевтовъ», вѣроятныхъ наслѣдниковъ ессеевъ, сохранились благодаря Филону болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Не отрицая ихъ возможной родственности, Филонъ все же ставитъ терапевтовъ на высшую ступень: ессеи—люди святой жизни и добрыхъ дѣлъ, терапевты—мудрецы высшихъ созерцаній: «они избрали, удалясь отъ міра, созерцательную жизнь, всю любовь и надежду обращая къ Богу». Имя терапевтовъ они получили не только потому, «что ихъ врачебное искусство было выше обычнаго, но и какъ цѣлители духовныхъ недуговъ», ибо они «умѣли обращать природу и священные законы на служеніе Богу, который добрѣе добра». Повидимому, высшею цѣлью было для нихъ нѣкоторое наитіе, живое созерцаніе Божества: «Они томилась тоской по своему Богу, пока не узрятъ Предмета своей любви.

И тогда, жадно устремляясь къ вѣчно-блаженной Жизни, видя въ земной конечное, отдаютъ имущество дѣтямъ или роднымъ, удаляются въ лѣса отъ суеты городской жизни или другое уединенное мѣсто... Такихъ людей можно повсюду встрѣтить въ Египтѣ, особенно же много ихъ въ окрестностяхъ Александріи... Ихъ жилища расположены не близко другъ отъ друга, въ высшей степени просты и представляютъ только скудную защиту отъ зноя и стужи... Въ каждомъ домѣ есть священная келья, въ которой они совершаютъ таинства святой жизни. Входящій въ нее не вноситъ съ собой ни питья, ни пищи, но только то, что согрѣваетъ вѣру и мудрость,—заповѣди, вдохновенныя изреченія пророковъ, пѣснопѣнія... Постоянно размышляя о Богѣ, они, въ своей созерцательной жизни, чувствуютъ себя среди божественныхъ силъ и явленій... При восходѣ солнца молятся Свѣту Истинному, при закатѣ молятся, чтобы душа ихъ, чистая отъ всего чувственнаго, земного, сосредоточилась въ своей внутренней *сокровищницѣ*, достойная ощущать Истину. Все время, съ утра до вечера, посвящено у нихъ дѣламъ благочестія, чтенію Писаній, набожнымъ размышленіямъ... Шестъ дней они проводятъ, каждый въ своемъ монастырѣ, какъ называются ихъ кельи, на седьмой сходятся вмѣстѣ въ Святилищѣ, отдѣльно мужи и отдѣльно жены... Они очень воздержны, постоянно постятся, вкушая только хлѣбъ, соль и чистую ключевую воду... Особенно торжественно празднуется Пятидесятый День. Вставъ рядами, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ просвѣтлѣвшими лицами, устремивъ къ небу очи, которыя привыкли созерцать великое, и простирая руки, которыя чисты отъ всякихъ дѣлъ ради выгодъ, они долго молятся. Послѣ молитвы садятся за столъ мужи справа, жены слѣва, и съ ними

чистыя дѣвы, сохранившія дѣвство ради усердной любви къ истинѣ, не желая рождасть смертныхъ дѣтей, но стремясь къ духовному потомству, которое рождается душой, возлюбленной Богомъ, когда Отець наполняетъ ее лучами Духовнаго Свѣта... Бесѣду ведетъ старѣйшій... Послѣ пѣснопѣній даетъ испивать богоугодный нектаръ, чистое вино, какъ въ вакхическомъ культѣ, послѣ чего всѣ воспѣвають хоромъ хвалебные гимны. Мысли возвышенны, выраженія чрезвычайно прекрасны»...

Въ культурныхъ религіяхъ замѣтны слѣды взаимныхъ вліяній. Если извѣстная родственность религіозныхъ идей объясняется единствомъ человѣческаго духа, а морали—единствомъ человѣческой совѣсти, то въ общихъ чертахъ внѣшнихъ культовыхъ формъ можно съ извѣстнымъ основаніемъ видѣть результатъ прямыхъ или косвенныхъ взаимныхъ воздѣйствій. Даже на эссеяхъ и терапевтахъ, допуская всю возможность развитія *внутренняго* содержанія ихъ учений непосредственно изъ религіозныхъ идей древняго вавилоно-еврейскаго цикла, все же замѣтно вліяніе древнихъ мистерій, а въ уединенномъ подвижничествѣ въ «монастыряхъ»,—несомнѣнномъ прообразѣ позднѣйшаго движенія мистическаго аскетизма въ Сиріи и Египтѣ въ христіанскую эпоху, просвѣчиваютъ живыя черты духовнаго подвижничества далекой Индіи. Но не одно изъ извѣстныхъ мистическихъ движеній не развивалось подъ такими многочисленными и разнообразными вліяніями, какъ гнозись, проникнутый духомъ и іудейской и эллинскихъ и азійскихъ религій. Гностицизмъ болѣе извѣстенъ, какъ еретическая секта христіанской вѣры, чѣмъ самостоятельная религіозно-философская система, родившаяся до христіанства. Прямыхъ гностическихъ источниковъ

очень мало: въ пылу религіозной борьбы побѣдители безпощадно уничтожали памятники побѣжденныхъ. Свѣдѣнія же о гностикахъ, оставленныя полемистами, какъ это всегда бываетъ, вводятъ насъ болѣе въ кругъ внѣшняго содержанія вѣры, чѣмъ въ ея сокровенный духъ. Хотя въ послѣднее столѣтіе найдены новые важные гностическіе документы, все же и теперь невозможно прослѣдить путь зарожденія основного ученія и развитія его многочисленныхъ вѣтвей, и ученымъ, посвятившимъ свои труды изученію гнозиса, все еще приходится говорить только о фрагментахъ этой «угасшей вѣры». Прежде всего поражаетъ въ гностицизмѣ своеобразная смѣсь высокихъ истинъ чистой религіи, полныхъ изящной простоты, съ крайне темной мистической метафизикой, глубокихъ и ясныхъ идей и чувствъ, особенно въ поэтическихъ гимнахъ, съ запутаннымъ, вычурнымъ символизмомъ и чрезмѣрной иносказательностью. Вліяніе древнѣйшихъ религій чувствуется довольно ясно. Напримѣръ, формула: «ты —Я, и Я—ты», «гдѣ ты, тамъ Я, и Я во всемъ», совпадаетъ съ извѣстными идеями Упанишадъ, Веданты, вишнуизма и герметизма: «ты—Я, и Я—ты». Ученіе о небесномъ шествіи души повторяетъ ученія маговъ, митраистовъ, Орфея и Гермеса. «Діаграмма офитовъ» описываетъ «загробное хожденіе» такимъ образомъ: Перейдя «за грань зла», за предѣлы земной сферы, душа является предъ «первыми вратами» и говоритъ стражу вратъ: «Исхожу чистою, какъ частица свѣта Сына и Отца». Затѣмъ восходитъ послѣдовательно къ зонамъ Сатурна, Луны, Солнца, Юпитера, Меркурія, Венеры, которые носятъ у гностиксвъ особенныя имена: Ялдабаофъ, Саваофъ, Яо, Элои, Астафайя, Орей, и наконецъ «погружается въ Плерому Божественной Жизни».

Наазены, секта христіанскихъ гностиковъ, имѣвшая цѣлый рядъ апокрифическихъ евангелій: евангеліе Евы, Совершенство, Вопросовъ Маріи, Египетское, Өомы, Филиппа, тѣмъ не менѣ были посвящены въ мистеріи «Великой Матери». Индійское ученіе о *Карманъ* вошло и въ гностическую философію: душа переходитъ изъ тѣла въ тѣло, пока не очистится путемъ воздаяній за каждое прежнее нарушеніе «Закона», и «пока не заплатитъ до послѣдняго кодранта, не будетъ выпущена изъ темницы», не вступитъ въ Духовную Жизнь. Въ апокрифическихъ «легендахъ Өомы» на христіанскую личность перенесены индійскія сказанія, и эта связь съ индуизмомъ очевидна уже въ одномъ изъ прямыхъ источниковъ гнозиса, мандеизмъ, персидско-вавилонскаго происхожденія, развившемся подъ сильнымъ вліяніемъ религій Индіи, и въ частности буддизма: напримѣръ, «Сынъ Человѣческой воплощенъ, по ученію мандеевъ, въ Адамъ, Енохъ, Ноахъ и Буддъ». Среди нравственныхъ правилъ встрѣчается такое, даже и по формѣ несомнѣнное слово индійской мудрости: «Познай, гдѣ корни (всего злого и грѣховнаго, всѣхъ страданій въ людской природѣ), и, пробудившись, обновись въ познаніи и узришь въ себѣ—Бога». Также вполне ясенъ духъ герметизма въ гностическихъ идеяхъ: логоса, возрожденія, послѣдняго вступленія въ Божественную Сущность. Но и гнозись, съ своей стороны, оказалъ сильное вліяніе на дальнѣйшую исторію всемірной культуры. Интересно, что даже въ мусульманской религіозно-философской литературѣ, даже въ средніе вѣка, еще замѣтны гностическіе слѣды. Напримѣръ, въ прелестной поэмѣ Гафиса объ Іосифѣ и Зюлейкѣ (XI в.) философъ-комментаторъ видитъ символическій образъ отношеній Творца и Творенія;

слова Іосифа, обращенныя къ «совершенной красотѣ»: «о, блистательная луна Ханаана, тронъ Египта приготовленъ для тебя и ждетъ, время сказать прости своей темницѣ», комментаторъ толкуетъ такъ: «Іосифъ—духъ Божественнаго Свѣта, тронъ Египта—обладаніе царствомъ Божимъ, которымъ душа не можетъ вполнѣ насладиться, пока не освободится отъ смертной жизни,—изъ *темницы*». Идея «очищенія» мистерій связана въ гнозисѣ съ сектантско-іудейскій довольно темной метафизикой спасенія отъ «первороднаго грѣха».

Высшая идея гнозиса, наслѣдіе герметизма, философія Логоса, Бога-Слова, который, среди всего сотвореннаго, *созданнаго* Божьей силой, одинъ только *рожденъ*, одинъ несетъ въ себѣ чистую божественную сущность, связана съ вѣрою древнихъ народовъ въ *необходимость* божественнаго пришествія. Люди, какъ Ома невѣрный, жаждутъ «видѣть и осязать», и эта жажда всюду сквозитъ *печалью по Богу*, нѣжной печалью сына въ разлукѣ съ отцомъ, жадной надеждой святого свиданія. Задолго до христіанскаго времени великій Эсхиль возгласилъ устами Прометея, «пригвожденнаго за свою любовь къ людскому роду», по выраженію Лукіана: «наступитъ часъ, и кончится власть Юпитера, сила Рока». Озаренный боговидецъ Платонъ начерталъ въ своей *Республикѣ* образъ «Праведника», лучшаго изъ людей, идеаль правды, красоты и добра, судимаго какъ преступникъ, претерпѣвшаго муки, бичеваніе, и распятаго. Вѣра въ «Сошествіе Божества», въ новый божественный день твореній, когда Богъ сжалится надъ страдающимъ міромъ, постыдно гибнущимъ среди зла, неправды, страданій, «какъ стадо безъ пастыря», сжалится и явитъ новое отношеніе къ міру, осѣнить земной родъ

своимъ возрождающимъ присутствіемъ, мелькала въ загадочныхъ прорицаніяхъ эллинскаго и римскаго міра. «Утоли печаль нашу», молился Виргилій, чувствуя надъ міромъ «Невѣдомаго Бога». Знаменитая четвертая эклога, по какому бы поводу она ни была написана, дышитъ тоской о божественномъ спасеніи: «Наступаетъ возвѣщенный Сивиллой конецъ прежняго міра, грядетъ Дѣва, съ небесныхъ высотъ родъ новый нисходитъ... Взгляни, какъ волнуется весь міръ, какъ земля и безконечное море и сводъ небесный трепещутъ въ надеждѣ грядущихъ временъ... Рождается Младенецъ, который изгонитъ вѣкъ желѣзный и принесетъ всему міру вѣкъ золотой»... Въ Аѳинахъ на Элевзинскихъ празднествахъ носили статую Якка, бога-Младенца, *нарждающагося божества*, который нѣкогда долженъ притти къ міру. Въ одной надгробной надписи, найденной въ 1899 г., которую Моммсенъ относилъ къ девятому году до Р. Х., есть такія загадочныя слова: «Наконецъ кончается время, когда приходилось жалѣть, что родился. Провидѣніе посылаетъ намъ и будущимъ поколѣніямъ этого Человѣка, какъ спасителя. *Съ его пришествіемъ исполнятся всѣ надежды предковъ.* Онъ превзойдетъ всѣхъ прежнихъ благодѣтелей человѣчества. Невозможно, чтобы *пришелъ (еще) Большой.* День рожденія бога принесетъ міру *Вѣсть Спасенія.* Съ его рождества начнется новый счетъ времени»... Для насъ, дѣтей сего міра и сего вѣка, среди котсрыхъ совершенно угасъ пророческій духъ, всѣ такого рода удивительныя прорицанія кажутся простыми случайностями, съ которыми столь же случайно совпадаютъ позднѣйшія событія. А между тѣмъ, сколько всюду среди древнихъ письменъ разсѣяно таинственныхъ гаданій, вѣщихъ и темныхъ сновъ, проникновенныхъ картинъ

далекаго будущаго. Какъ будто прямо о нашемъ времени, все болѣе и болѣе теряющемъ и душу и Бога, говорить за девятнадцать вѣковъ это пророчество *Гермеса Трисмегиста*: «Тогда, томимый отвращеніемъ ко всему, что есть въ мірѣ, человѣкъ не будетъ чувствовать ни благоговѣнія, ни любви. Въ душахъ, полныхъ усталости и скуки, будетъ только пренебреженіе къ этой великой вселенной, построенной дивно и совершенно. Потемки предпочтутъ свѣту, смерть будетъ казаться лучше жизни, никто не обратитъ очей къ небу. Вѣрующихъ будутъ считать за безумцевъ, богохульство за мудрость, дикихъ почтутъ смѣлыми, худшихъ лучшими. Душа и всѣ вопросы, съ ней связанные: смертна ли, рождается или бессмертна, будутъ возбуждать только смѣхъ. Смерть будетъ казаться лучше жизни, и земля перестанетъ рождать». Въ кругу загадочныхъ явленій древней мысли остановимся еще на удивительномъ образѣ «Благого Человѣка» у Сенеки, въ которомъ, можетъ быть, и безсознательно для самого философа, нарисованъ болѣе чѣмъ одинъ только нравственный идеаль. «Должно всегда имѣть предъ очами Человѣка Благого и такъ жить и поступать, какъ будто онъ смотритъ на насъ. Много грѣховъ останется не сдѣлано, если съ нами—*Свидѣтель*. Для нашего сердца долженъ быть *Нѣкто*, кого оно чтитъ, предъ чьимъ образомъ открываетъ свою тайную жизнь. Блаженъ, кто можетъ *чтить Его* и себя *вообразуя въ Его живой образъ*. Нуженъ Тотъ, кто судитъ нашей жизни... Когда ты увидишь человѣка, безстрашнаго среди опасностей, нетронутаго страстями, радостнаго среди самой горестной судьбы, покойнаго среди бурь, не скажешь-ли: тутъ кто-то высшій, *несродный* бѣдственному тѣлу, въ которомъ онъ живетъ, здѣсь—божественность, здѣсь *снизошла*

небесная сила, которая движетъ этой особенной душой, возвышенной надъ всѣми низменными желаніями и страхами... Если бы мы могли проникнуть въ душу Человѣка Благого,—о, какой прекрасный образъ увидѣли бы, блистающій Величіемъ и Покоемъ! Правда, Сила, Мудрость свѣтятъ въ немъ, а надъ всѣмъ—*Человѣчность*, высшее благо. Если бы кто увидѣлъ этотъ Образъ, болѣе возвышенный и святой, нежели обычно можно видѣть въ людяхъ, развѣ не остановился-бъ онъ предъ нимъ въ безмолвномъ удивленіи, какъ *предъ Божествомъ, тихо молясь*? И тогда, привлеченный *чудною добротою Его Лица*, онъ склонился бъ предъ нимъ, созерцая въ оцѣпенѣломъ благоговѣніи, и его молитва вырвалась бы въ словахъ Виргилія: «дай утоленіе сердцу». Въ комъ бы не возгорѣлась любовь при видѣ того Идеальнаго Образа? Теперь, конечно, нашъ взоръ ослѣпленъ многимъ, но если бъ мы могли глядѣть чистыми очами, освободивъ нашу силу зрѣнія, мы увидѣли бы *Добро* даже подъ тѣлеснымъ покровомъ,—*подъ игомъ нищеты, униженія и позора увидѣли бы Красоту*... Не можетъ столь Великое явиться безъ участія Божества, своей большею частью оно связано съ тьмъ, откуда снизошло. Какъ солнечные лучи, едва касаясь земли, пребываютъ тамъ, откуда исходятъ, такъ и *Великое Святое*, ниспосланное къ намъ, чтобы мы *ближе познали Божественность*, хотя вращается среди насъ, но само *пребываетъ въ своемъ Первоисточникѣ*. Тамъ Его родъ, туда Онъ глядитъ и стремится, ходя среди людей только какъ высшій гость, Кто же онъ? Духъ, который не влечется къ Добру, но есть *само Добро*».

Гностики христіанской эры учили о трехъ тѣлахъ: 1) *тѣло плотское*, недоступное духовнымъ впечатлѣніямъ, тѣло бессознательной субстанціи міра; 2) *тѣло*

душевное, свойственное тѣмъ, кто, вѣруя, уже ощущаетъ Духовное Бытіе, но еще смутно, нуждается въ образахъ и подобіяхъ, въ чудесныхъ явленіяхъ и учительной помощи для «представленій» о Божествѣ; 3) *тѣло духовное*, которымъ обладаютъ только *пневматики*, высшіе, святые люди, непосредственно созерцающіе Духовный Міръ и «тайны Великаго Гнозиса». Пневматики пребываютъ на послѣдней ступени межъ землею и Небомъ. Предъ ними открывается міръ Сущаго Божественнаго Свѣта, и сны, «люди нсвые въ тѣлѣ новомъ», стоятъ, какъ и древніе йогины, «выше добра и зла». Въ этой части своего ученія, принесенной изъ Индіи, гностики предвосхитили современнаго «сверхъ-человѣка» и даже имѣли своего ницшеанца, въ лицѣ еретика Карпократа, который, впрочемъ, съ большимъ цинизмомъ придалъ ученію низменный характеръ, утверждая, что все различіе межъ добромъ и зломъ зависитъ отъ «точки зрѣнія», и на этомъ основаніи проповѣдывалъ полную «свободу страстей». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же,—но это уже не въ духѣ Ницше,—требовалъ имущественнаго и семейнаго коммунизма, предваряя такимъ образомъ нашихъ коммунистовъ.

Проходя кругъ высшаго духовнаго развитія, прежній «перстный человѣкъ» преобразуется, учать гностики. Всѣ слѣды личнѣй грѣховности и «природнаго міроваго зла», проникшаго до самыхъ глубокихъ соковъ всего физическаго существа человѣка, омываются «водой» и сжигаются «огнемъ» мистическихъ очищеній, «духъ святъ» разгорается въ «тѣлѣ святомъ», въ чистой «храминѣ» *обоготворенной плоти*. Душа посвященнаго—первозданно свѣтлая, *душа въ своей истинѣ*, та прекрасная *идеальная правда*, ставшая *жизнью*, какой она сіяла нѣкогда въ божественной

творческой мысли и любви, восхищая своей красотой самого Бога. Пневматикъ, покоясь душой въ Божественномъ Существовѣ, живетъ въ чудномъ мирѣ сердца, выше тлѣнной и страстной природы, выше условнаго добра и условнаго зла земнаго круга, въ ангельскомъ невѣдѣннїи зла и въ ангельски-природномъ дыханїи добра, и по смерти *восуществляется* въ свой вѣчный образъ, въ красоту, прекрасную даже въ небесахъ, какою душа была нѣкогда «предъ очами Бога»... Помимо внѣшнихъ условїй спасенїя ритуальнаго характера,—напримѣръ, «крещенїя водою, огнемъ и духомъ», о которомъ говорится въ книгахъ коптскихъ гностиковъ,—необходимымъ внутреннимъ условїемъ была нравственная чистота. О высотѣ гностическихъ идей въ области морали даетъ представленїе легенда Ѳомы. Онъ былъ извѣстенъ какъ искусный *строитель*, и одинъ царь въ Индїи поручилъ ему выстроить Чертоги, снабдивъ его въ изобилїи золотомъ. Царь уѣхалъ, Ѳома же, не приступая къ стройкѣ, проповѣдывалъ людямъ Благую Вѣсть Любви, а золото раздавалъ бѣднымъ. Вскорѣ царь присылаетъ узнать, какъ идетъ постройка Чертога. Ѳома извѣщаетъ, что скоро начнетъ «увѣнчивать зданїе», но для этого еще нужно золота. Царь вновь присылаетъ, и Ѳома опять раздаетъ нищимъ, вдовамъ, сиротамъ. Наконецъ царь узнаетъ, что Ѳома проповѣдуетъ прекрасное ученїе, исцѣляетъ больныхъ, помогаетъ несчастнымъ, вразумляетъ злыхъ, золото раздаетъ бѣднымъ, а самъ живетъ какъ послѣднїй нищїй, питаясь *водой, солью и хлѣбомъ* и имѣя *только одну* одежду. Прїѣхавъ, царь спрашиваетъ, гдѣ же Чертогъ. Ѳома отвѣчаетъ, что Чертогъ уже построенъ для царя, но царь еще не можетъ видѣть земными очами, и увидитъ, когда умретъ. Разъяренный царь приказалъ

бросить его въ темницу и держать тамъ, пока не придумаешь ему ужасную казнь. Но въ ту же ночь умеръ братъ царя, и душу его взяли на небо. Когда ангелы показывали ему Чертоги, уготованные праведнымъ, и спрашивали, въ какомъ бы онъ желалъ жить, онъ указалъ на одинъ, прекраснѣе всѣхъ, но ангелы сказали, что этотъ дивный Чертогъ построилъ Оома для царя... Мудрость, познаніе Бога, праведная жизнь, достойная *Божьяго челоуѣка*, земное совершенство *по Богу*, по образу совершенства небснаго было желаніемъ сердца у гностиковъ. Высшіе символы гностической религіи спасенія: Софія—Премудрость, вѣнчанная съ Божественнымъ Женихомъ, Слово—Жизнь, Духъ—Истина, челоуѣческое «сыновство», или «усыновленіе Божіе». Чистѣйшіе изъ чистыхъ удостоивались «видѣній» и «откровеній». Земная жизнь—вотъ истинная смерть, и только «умирая, челоуѣкъ оживаетъ», одѣвается небсною жизнью. «Посѣянный» въ земной средѣ въ «тѣлѣ душевномъ», возстаетъ въ родной вѣчной стихіи въ «тѣлѣ духовномъ». Самъ земной духъ челоуѣка именуется въ гностической символикѣ «мертвецомъ», ибо, чистый и вѣчный, онъ зарытъ здѣсь въ тѣлѣ, какъ въ гробу и могилѣ. Вообще гностическая теологія въ высшей степени символична, почерпая свои образы преимущественно изъ библейскаго круга. Напримѣръ, въ сектахъ офитовъ и ператсвъ Змій является символомъ Божества. У ператовъ Офисъ—Змій есть Сынъ Божій, нѣкогда принявшій челоуѣческой видъ въ лицѣ Іосифа, который въ іудейскомъ гнозисѣ имѣетъ значеніе «прообраза». Нужно замѣтить, что символъ змѣи встрѣчается въ египетскихъ, греческихъ и финикійскихъ мистеріяхъ. «Мудрый Змій» былъ символомъ Божественной воли, мысли, Логоса. Въ гностическихъ изображеніяхъ «міровой

кругъ» обвить Зміемъ, обнявшимъ своими могучими кольцами вселенную и міръ человѣческой. Интересенъ гностическій комментарий къ «Исходу». Египеть— земное тѣло, и всѣ, кто поработенъ здѣсь плотью, находятся въ плѣну египетскомъ. Выйти изъ Египта— значитъ освободиться отъ темной власти тѣла, переходъ черезъ Красное Море знаменуетъ переходъ къ «Иному Берегу» чрезъ «океанъ чувственной природной жизни». Пустыня—наша суетная жизнь, для добрыхъ она стезя испытаній, для злыхъ погубная юдоль; здѣсь моисеевы «змѣи пустыни» мучать и губять тѣхъ, кто не взираетъ съ вѣрою на Небо и Вознесеннаго Змія. Этотъ «Истинный Змій», воздвигнутый Моисеемъ, «пригвожденъ къ кресту» въ земной плоти; тѣ, кто спасается «вѣрою въ Змія», счастливо переходятъ Пустыню и идутъ къ Землѣ Обѣтованной, въ царство «духовныхъ чувствъ», гдѣ «Небесный Иорданъ», гдѣ «Душа Міра». Очень любопытенъ въ іудейскомъ гнозисѣ еще одинъ миѳъ «Змія», не лишенный своеобразной красоты. Богъ Элохимъ узрѣлъ Дѣву-Змѣю: до чрева дѣву, далѣе змѣю. Имя ей Израэль, или Эдень. Богъ возлюбилъ ее, и отъ этой любви родилось двадцать четыре ангела. Позднѣе, при раздорѣ, возникшемъ межъ Мужемъ и Женою, двѣнадцать изъ нихъ склонились къ Отцу и двѣнадцать къ Матери. Третьимъ изъ первыхъ былъ Варухъ, изъ вторыхъ Нахась (Змій); символъ перваго древо жизни, второго—древо познанія. Тогда Элохимъ сотворилъ міръ и когда взошелъ на небеса, чтобы съ высоты полюбоваться своимъ созданиемъ, онъ увидѣлъ *надъ собою* дивный свѣтъ, сущій, а не сотворенный, какъ остальное, его волею и силой. И видя, воскликнулъ: откройте врата, да вниду и познаю Бога Истиннаго, ибо мнилъ я, что я—Господь. И услышалъ изъ Свѣта

Гласъ: Се—врата Господни, Праведные войдутъ ими. Двери отверзлись, и Элохимъ восходитъ къ Благому и видитъ Всевеличіе Чудное. И Благій сказалъ ему: сядь одесную Меня. И возсѣль. И теперь раскаялся Елохимъ, что Пневму (Святого Духа) сообщилъ недостойному и грѣшному, каковъ весь міръ человѣческой, и возжелалъ отнять отъ міра Духъ Святой, и міръ распался бы въ хаосъ. Но Благій сказалъ: «Ты не сотворишь зла, пока со Мною пребудешь; ибо изъ взаимнаго благоволенія вы создали міръ, ты и Эдень; пусть же Эдень править міромъ, покуда пожелаетъ, ты же пребудь со Мною». Дѣва-Змѣя, покинутая Мужемъ, пытается вновь увлечь его на землю, вся разгорается чарующей красотой, дивно украшаясь въ своихъ твореніяхъ, но возшедшій богъ не трогается ея мольбами и любовью, и она чувствуетъ, что потеряла его навѣки. Въ гнѣвъ она мучитъ теперь ненавистный ей человѣческой родъ, ибо въ немъ есть еще живой духъ Элохима, его «святой духъ», и, муча людей, она мучитъ его; въ ненасытной жаждѣ мести она разжигаетъ людей порочными страстями, туманитъ и губитъ «частичку божества» въ ихъ сердцахъ ложью и зломъ.

Изъ развѣтвленій гностической вѣры очень интересна «манихейская ересь» III в. по Р. Х., въ которой особенно ярко отразились религіозныя идеи Персіи и Индіи. Свѣтъ и Тьма въ неустанной борьбѣ; Человѣкъ,—вѣчный идеальный типъ человѣка, вѣрнѣе Человѣкобогъ,—въ этой борьбѣ Свѣта и Тьмы распадается на два Лица: одинъ, Вѣчный, Чистый, Божественный—въ небесахъ, недоступный земному зрѣнію, но благотворящій міру таинственными путями, «спасающій» міръ; другой погруженъ въ стихійный хаосъ вселенной какъ Духъ и въ ней ведетъ постоянную

борьбу со Зломъ. Хотя манихеи и называли его «Христомъ, пригвожденнымъ къ плоти», но въ дѣйствительности въ немъ несомнѣнный образъ *Атмана* Индіи, безъ всякихъ чертъ христіанскаго Христа. Душа, въ подвигахъ праведной жизни побѣдившая земное зло, восходитъ къ небесамъ. Въ картинѣ небснаго восхожденія души повторяются представленія персидской теологіи. Въ «царствѣ Славы» душа находитъ наконецъ свою «истинную отчизну», гдѣ свѣтъ вѣченъ и радость нетлѣнна. Грѣшныя же души совершаютъ кругъ перерожденій, воплощаясь въ новыхъ тѣлахъ, пока вполнѣ не очистятся отъ грѣховъ: угнетавшій самъ испытаетъ потомъ всѣ муки угнетеннаго, убивавшій животныхъ и поѣдавшій ихъ тѣло, самъ переживетъ всю ихъ горькую жизнь, будетъ убитъ и пожранъ и т. д. Нравственное ученіе манихеевъ также отмѣчено буддійскими чертами: обѣтъ цѣломудренной жизни, воздержаніе отъ мяса и вина, запретъ убіенія животныхъ, птицъ и рыбъ, вкушеніе только растительной пищи. Манихейское ученіе увлекало очень многихъ, а философія «душе-скитальчества», какъ возмездіе и очищеніе, заинтересовала даже Августина. Блаж. Іеронимъ говоритъ въ письмѣ одной дѣвѣ: «Такіе христіане (манихеи) осуждаютъ Правосудіе Божіе, нашептывая (людямъ): почему же—говорятъ они,—одни рождаются среди христіанъ, а другіе среди нечестивыхъ и лишены (безъ всякой своей вины, только въ силу случая) познанія Истиннаго Бога?» И ранятъ какъ скорпіонъ сердца простыхъ людей, вливая ядъ сомнѣнія. «Неужели безъ вины,—говорятъ,—младенца, не сдѣлавшаго ничего ни злого, ни добраго, поражаютъ жестокиа болѣзни? Неужели безъ вины люди терпятъ то, чему часто не подвергаются нечестивцы, но рабамъ Бо-

жімъ приходится переносить? Если судьбы Господни истинны, оправданы *вкупъ* (Пс. 18, 10) и нѣтъ неправды у Бога, то самъ разумъ вынуждаетъ насъ вѣрить, что душа обитала въ небесахъ и за какія-то древнія прегрѣшенія осуждена на заключеніе въ человѣческомъ тѣлѣ, погребена въ немъ, и въ земной юдоли мы терпимъ наказанія за прежніе грѣхи». Это нечестивое и богохульное ученіе, занесенное изъ Египта и съ Востока, скрываясь какъ въ змѣиныхъ норахъ, гнѣздится среди многихъ христіанъ».

Все имѣетъ «свои времена и сроки», и гнозисъ, внеся свою долю вліянія въ исторію культуры, умолкъ навѣки. Лишь изрѣдка тѣ или инья, давно забытыя гностическія идеи: «трехъ тѣлъ», «грядущаго Духа», будущей «религіи Святого Духа», какъ блуждающее сѣмя, ищущее гостепріимной почвы, привлекаетъ изрѣдка философское и поэтическое вниманіе. Въ то же время едва ли не самая важная въ гнозисѣ философія пневматизма, если еще и ютится въ наше время, то исключительно въ обезображенной формѣ «наитій» въ народныхъ сектахъ, какъ осколки древнихъ мистерій сохранились только въ масонскихъ обрядахъ. Философская «реставрація» гнозиса можетъ быть плодотворна только въ долѣ научныхъ изысканій, проливая свѣтъ на многія темныя мѣста въ исторіи нашей духовной культуры. Все же, что и въ гнозисѣ среди хаоса легендъ, мифовъ, символовъ, несло печать вѣчно-истиннаго, было не собственной творческой мыслью гнозиса, но отраженнымъ отъ былыхъ великихъ ученій обтлескомъ единой, неизмѣнной, «вѣчно равной себѣ» Истины, въ потокѣ временъ и народовъ облекавшейся въ свои многообразныя «одежды времени».